

Конвенция о правах ребенка

Distr.: General
9 March 2022
Russian
Original: French

Комитет по правам ребенка

Соображения, принятые Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, относительно сообщений № 77/2019, 79/2019 и 109/2019* ** ***

<i>Сообщения представлены:</i>	Ф. Б. и др. (представлены адвокатом Мари Дозе) и Д. А. и др. (представлены адвокатом Мартеном Праделем)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	С. Б. и др.
<i>Государство-участник:</i>	Франция
<i>Даты сообщений:</i>	1 марта, 13 марта и 25 ноября 2019 года (первоначальные представления)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	8 февраля 2022 года
<i>Тема сообщений:</i>	репатриация детей, родители которых связаны с террористической деятельностью
<i>Процедурный вопрос:</i>	экстерриториальная юрисдикция
<i>Вопросы существа:</i>	меры защиты; право на жизнь; доступ к медицинской помощи; произвольное задержание
<i>Статьи Конвенции:</i>	2, 3, 6, 19, 20, 24 и 37
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	5 (пункты 1 и 2) и 7 (пункты е) и f)

1.1 Авторами сообщений являются следующие лица: Ф. Б., от имени своих внуков С. Б. (2015)¹, А. Б. (2016) и А. С. Б. (2018); Н. С., от имени своих внуков К. А. (2015) и М. А. (2018); С. А., от имени своих внуков Х. К. (2010), С. К. (2013) и Х. К. (2016);

* Приняты Комитетом на его восемьдесят девятой сессии (31 января — 11 февраля 2022 года).

** В рассмотрении сообщений приняли участие следующие члены Комитета: Сюзанн Ао, Хинд Аюби Идриси, Ринчен Чопхел, Браги Гудбрандссон, Филипп Жаффе, Сопио Киладзе, Гехад Мади, Фейт Маршалл-Харрис, Бэньям Дэвйт Мэзмур, Кларенс Нелсон, Отани Микико, Луис Эрнесто Педернера Рейна, Зара Рату, Хосе Анхель Родригес Рейес, Энн Мэри Скелтон, Велина Тодорова и Бенуа Ван Кейрсбилк.

*** К данным Соображениям прилагается совместное (согласное) мнение Сопио Киладзе, Луиса Эрнесто Педернеры Рейны и Бенуа Ван Кейрсбилка.

¹ В скобках указаны инициалы жертв и год их рождения.

З. Б., от имени своего внука С. Б. (2017); А. Д., от имени своих внуков А. С. (2015), С. С. (2016), А. С. (2017) и И. С. (2017); А. Н. Р., от имени своих внуков О. Г. (2011), А. Г. (2013), Х. Г. (2014), С. Ж. Г. (2015), М. Г. (2016) и С. Г. (2018); С. Д., от имени своей племянницы И. Ж. (2008); М. Д., от имени своей племянницы С. Д. (2013)²; Л. Л., от имени своих внуков К. Л. (2010), Х. Л. (2014), И. Л. (2016) и А. Л. (2018); П. Д., от имени своих внуков Э. С. (2009), А. Х. (2012), И. Х. (2014) и И. Д. (2018); А. Э., от имени своих племянников А. Р. Э. (2015) и Х. Э. (2017); С. Г., от имени своего внука Н. Б. (2016); И. З., от имени своего племянника С. Б. (2015)³; Ф. Ф., от имени своего внука И. Х. (2016); Н. Б., от имени своего внука С. Б. (2017); Н. Б., от имени своих племянников Д. Б. (2013), А. Б. (2014) и С. Б. (2015); Л. Х., Л. Х. и Д. А., от имени своих внуков М. А. (2013), А. А. (2014), Ж. А. (2016), А. А. (2017), С. Х. (2017) и Р. А. (2018); и С. Д. и А. Ф., от имени своих внуков Л. Ф. (2003), А. Ф. (2006), С. Ф. (2011), Н. Ф. (2014) и А. А. (2017).

1.2 Авторы являются гражданами Франции, за исключением Ф. Ф. — лица, являющегося гражданином Алжира и проживающего во Франции. Все жертвы являются детьми французских граждан — членов семей авторов, которые предположительно сотрудничали с ДАИШ. Некоторые из этих детей родились в Сирийской Арабской Республике, другие прибыли туда в очень раннем возрасте вместе со своими родителями. В настоящее время они содержатся на северо-востоке страны, в лагерях Родж, Айн-Иса и Аль-Хол, которые находятся под контролем Сирийских демократических сил. Авторы утверждают, что государство-участник не приняло необходимых мер для репатриации детей во Францию, что, по их мнению, является нарушением статей 2, 3, 6, 19, 20, 24 и 37 Конвенции. Авторы представлены адвокатами. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 7 апреля 2016 года.

1.3 В соответствии со статьей 6 Факультативного протокола Рабочая группа по сообщениям, действуя от имени Комитета, отклонила 13 и 27 марта и 4 декабря 2019 года ходатайство о принятии временных мер, которое было подано авторами, просившими репатриировать детей во Францию. Вместе с тем Комитет обратился к государству-участнику с просьбой принять дипломатические меры, необходимые для обеспечения защиты права на жизнь и неприкосновенность детей, включая доступ к любой медицинской помощи, в которой они могут нуждаться.

1.4 На своей восемьдесят пятой сессии, 30 сентября 2020 года, и на своей восемьдесят шестой сессии, 4 февраля 2021 года, Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости трех сообщений и счел их приемлемыми, поскольку они затрагивают вопросы, связанные со статьями 2, 3, 6, 19, 20, 24 и 37 Конвенции. Комитет пришел к выводу, что дети, о которых идет речь в этих сообщениях, действительно находятся под юрисдикцией государства-участника. Комитет принял к сведению заявления сторон о репатриации во Францию С. Х. и ее матери 9 декабря 2019 года⁴, а также С. Д. и С. Б.⁵ 15 марта 2019 года. В свете этой информации Комитет завершил рассмотрение сообщений, поданных от имени С. Х., С. Д. и С. Б. Для получения более подробной информации о фактах, содержании жалобы, замечаниях и комментариях сторон относительно приемлемости сообщений, а также о ходе обсуждения Комитетом вопроса о приемлемости см. решения о приемлемости⁶.

1.5 После принятия Комитетом решений о приемлемости трех сообщений и в связи с представлением 23 июня 2021 года своих замечаний по существу сообщения № 77/2019 государство-участник сообщило, что О. Г., А. Г., Х. Г. и С. Г. были репатриированы в июне 2020 года. Кроме того, К. А. и М. А. были репатриированы в январе 2021 года. В своем ответе от 20 сентября 2021 года авторы подтвердили, что жалоба утратила свою актуальность в отношении О. Г., А. Г., Х. Г.,

² Репатриирована 15 марта 2019 года.

³ Репатриирован 15 марта 2019 года.

⁴ *С. Х. и др. против Франции (CRC/C/85/D/79/2019-CRC/C/85/D/109/2019)*, п. 9.3.

⁵ *С. Б. и др. против Франции (CRC/C/86/D/R.77/2019)*, п. 8.3.

⁶ *С. Х. и др. против Франции (CRC/C/85/D/79/2019-CRC/C/85/D/109/2019)*; и *С. Б. и др. против Франции (CRC/C/86/D/R.77/2019)*.

С. Г., К. А. и М. А. Они также отметили, что сообщение утратило свою актуальность в отношении С. Б., который был депортирован из Турции 22 июля 2021 года.

Замечания государства-участника относительно существа сообщения

2.1 Государство-участник представило 22 и 23 июня 2021 года замечания относительно существа сообщения. Оно напомнило, что является страной в Западной Европе, осуществившей наибольшее число репатриаций несовершеннолетних — в общей сложности 35 французских несовершеннолетних, — и активно участвует в гуманитарном реагировании в интересах перемещенных лиц и беженцев из северо-восточной Сирии.

2.2 Государство-участник подчеркнуло, что на сегодняшний день авторы не представили никаких доказательств того, что детям, о которых идет речь в настоящих сообщениях, угрожает опасность для их права на жизнь и права на здоровье или что они подвергаются произвольному задержанию со стороны Сирийских демократических сил. В связи с тем, что Сирийским демократическим силам трудно контролировать лагерь и получить доступ к определенным зонам, они не могут идентифицировать и определить местонахождение содержащихся там иностранных граждан. В частности, в сообщении № 77/2019 авторы не указывают точное местонахождение некоторых детей⁷. Наконец, что касается детей-жертв, предположительно содержащихся в лагере Родж, авторы предоставляют лишь очень общую информацию об условиях содержания этих детей, в основном касающуюся ситуации в Аль-Холе. Таким образом, на сегодняшний день нет никаких доказательств того, что эти дети находятся в лагерях Родж и Аль-Хол⁸ и подвергаются предполагаемым нарушениям Конвенции.

2.3 В любом случае, даже если бы дети действительно содержались в лагере Родж, это не являлось бы нарушением Конвенции. В качестве предварительного замечания в отношении утверждения о произвольном задержании, государство-участник подчеркивает, что тот факт, что власти северо-восточной Сирии не являются государством, не делает задержание детей-жертв, которые являются сторонами немеждународного вооруженного конфликта, произвольным. Действительно, такое лишение свободы предусмотрено международным гуманитарным правом⁹, которое допускает лишение свободы лиц, воевавших в рядах ДАИШ, а также их супругов и детей по императивным причинам безопасности¹⁰.

2.4 Государство-участник утверждает, что ни Конвенция, ни работа или выводы различных комитетов Организации Объединенных Наций не подразумевают позитивного обязательства государств-участников репатриировать своих граждан, которым может угрожать бесчеловечное или унижающее достоинство обращение. Такое обязательство также не установлено Европейским судом по правам человека. Более того, такое обязательство на практике противоречило бы принципу суверенитета государств, в которых совершаются предполагаемые нарушения. Оно также выходило бы за рамки того, что государства хотели взять на себя, ратифицируя Конвенцию, которая не может толковаться подобным образом.

2.5 Действительно, из международного обычного права, международной судебной практики или Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года никоим образом не следует, что государства обязаны репатриировать своих граждан, в том числе тогда,

⁷ В письме, направленном в Министерство по делам Европы и иностранных дел, авторы заявили, что местонахождение матери и детей установить не удалось.

⁸ Насколько известно государству-участнику, лагерь Айн-Иса был ликвидирован, и в связи с этим сообщалось о нескольких случаях побега.

⁹ Статья 3, которая является общей для Женевских конвенций от 12 августа 1949 года, и любое применимое обычное право.

¹⁰ Международный комитет Красного Креста считает, что негосударственные группы также могут осуществлять меры по интернированию гражданского населения на основании международного гуманитарного права; см. комментарий к статье 3, которая является общей для Женевских конвенций от 12 августа 1949 года (п. 728), размещенный на веб-сайте Международного комитета Красного Креста.

когда они могут быть подвергнуты бесчеловечному или унижающему достоинство обращению за рубежом. Хотя в определенных обстоятельствах репатриация может быть одним из средств осуществления консульской помощи, она ни в коем случае не является обязательством для направляющего государства. То, что подавляющее большинство государств — членом Совета Европы не репатрируют своих граждан, свидетельствует о наличии консенсуса по этому вопросу: если бы у них было такое обязательство, все они вступили бы в переговоры о репатриации своих граждан. Обязательство по репатриации также не вытекает из внутреннего законодательства, поскольку ни Государственный совет, ни Конституционный совет не установили, что такое обязательство существует.

2.6 Вопреки тому, что Комитет указал в своих решениях о приемлемости сообщений, государство-участник не имеет «возможностей» осуществить репатриацию, о которой просят авторы. Репатриация детей, о которых идет речь в настоящих сообщениях, зависит не только — вопреки утверждениям авторов — от воли правительства государства-участника, но и от многих факторов: согласия властей северо-восточной Сирии, которые удерживают их¹¹; согласия матерей на репатриацию своих детей¹²; трудностей, с которыми сталкиваются Сирийские демократические силы при идентификации и определении местонахождения иностранных граждан; того факта, что французские граждане, содержащиеся в лагере Родж, находятся под контролем не суверенного государства, а властей де-факто, что не позволяет использовать механизм экстрадиции в случае матерей; а также сложности и опасности таких миссий, которые по своей природе зависят от отношений, поддерживаемых каждым государством с различными участниками вооруженного конфликта, в который вовлечена северо-восточная Сирия. Тайное присутствие ДАИШ в самом лагере создает угрозу безопасности операций по репатриации. За последние месяцы в лагере были убиты несколько сотрудников внутренней безопасности («Асаиш»), а также работники гуманитарных организаций.

2.7 В любом случае, если Комитет сочтет, что государство-участник несет обязательство по репатриации, его можно понимать только как обязательство действия.

Комментарии авторов к замечаниям государства-участника

Сообщение № 77/2019

3.1 В своих комментариях от 20 сентября 2021 года авторы отмечают, что французские спецслужбы уже смогли провести точную и регулярно обновляемую перепись детей в лагерях на северо-востоке Сирии, включая их гражданский статус, их местонахождение и, где это применимо, если они не родились в данном месте, дату их ареста, дату их прибытия в лагерь и дату их выезда в Сирийскую Арабскую Республику¹³. Более того, практика показывает, что предполагаемые «препятствия» для репатриации, на которые ссылается государство-участник, включая отсутствие дипломатического и консульского представительства в Сирийской Арабской Республике, никоим образом не помешали ему осуществить пять репатриаций в прошлом, поскольку французские делегации имели материальную возможность провести перепись на месте. Проблема репатриации тем более непреодолима, что автономная администрация на северо-востоке Сирии часто повторяет свой призыв к международному сотрудничеству и репатриации государствами гражданства своих граждан, содержащихся в лагерях.

¹¹ Их выдача подразумевает принятие этими властями решения об административной высылке, в то время как государство-участник не имеет дипломатического и консульского представительства в Сирийской Арабской Республике с 2012 года.

¹² Позиция государства-участника заключается в том, что дела дочерей и сестер авторов должны рассматриваться местным судом. С другой стороны, их дети, находящиеся в стране, должны быть репатрированы, если их матери согласны на это и если позволяют условия.

¹³ Luc Mathieu, Willy Le Devin et Dominique Albertini, « État islamique : un rapatriement programmé, préparé, mais gelé », Libération, 4 avril 2019.

3.2 Авторы считают, что элементы, касающиеся местонахождения детей, не могут использоваться для целей неприемлемости, поскольку Комитет уже объявил сообщение приемлемым и теперь должен вынести решение по его существу. В любом случае вопрос о местонахождении не является препятствием, лишаящим юридической силы репатриацию.

3.3 Авторы отмечают, что государство-участник не оспаривает предполагаемые нарушения обязательств по Конвенции. Они утверждают, что обязательства государств-участников включают позитивное обязательство принимать меры по защите прав ребенка, в частности для того, чтобы предотвращать или пресекать любые посягательства на права, защищаемые Конвенцией, в том числе со стороны третьих лиц¹⁴. Авторы утверждают, что государство-участник сознательно не принимает разумно ожидаемых от него позитивных мер для защиты и гарантирования прав детей, о которых идет речь в сообщениях, несмотря на свою полную осведомленность об их серьезных нарушениях.

3.4 По мнению авторов, решение французских властей не репатриировать указанных детей не соответствует их праву не подвергаться дискриминации, закрепленному в статье 2 Конвенции, рассматриваемой в совокупности со статьями 3, 6, 16¹⁵, 24 и 37. Неявные решения об отказе в репатриации этих детей явно мотивированы деятельностью их родителей, которые подозреваются в связях с террористическими организациями или о которых известно, что они поддерживают такие связи. Другие французские граждане были репатриированы без соблюдения какого-либо четкого, последовательного и постоянного критерия, объясняющего, почему было бы более справедливо репатриировать сирот, чем детей, сопровождаемых их матерями, тогда когда все они в равной степени подвержены нарушениям принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка, а также их права на жизнь, семью, здоровье и не подвергаться бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или незаконному лишению свободы.

3.5 Что касается содержания статьи 3 Конвенции, то отказ государства-участника репатриировать детей, несомненно, подрывает защиту их наилучших интересов, поскольку это приводит к их дальнейшему длительному и бессрочному содержанию в лагерях в условиях, угрожающих их выживанию и физической целостности, где они испытывают острую нехватку медицинской помощи, питания, воды, санитарии и образования и где существует риск индоктринации. С процедурной точки зрения следует отметить, что из-за особенно неясной политики государства-участника в отношении репатриации в каждом конкретном случае и отсутствия четкого решения об отказе в репатриации — сформулированные просьбы о репатриации всегда оставались без ответа, — из «решения» французских властей не приступать к репатриации несовершеннолетних, упомянутых в сообщении, отнюдь не следует, что наилучшие интересы ребенка были главным соображением или даже что они были оценены. Для выполнения своих обязательств по статье 3 Конвенции государство-участник должно организовать совместную репатриацию матерей и детей в целях сохранения семейного окружения.

3.6 Далее авторы утверждают, что имело место несоразмерное вмешательство в право детей, о которых идет речь в сообщении, на жизнь, выживание и развитие (статья 6 Конвенции), их право на поддержание семейных отношений с близкими родственниками, а именно с бабушками, дедушками, дядями и тетями, которые являются авторами сообщения (статья 16), их право на наивысший достижимый уровень здоровья (статья 24) и их право не подвергаться жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или незаконному или произвольному лишению свободы (статья 37). Авторы считают, что бездействие государства-участника в этом отношении представляет собой нарушение его позитивного обязательства по предотвращению всех подобных злоупотреблений. Государство-

¹⁴ Cour européenne des droits de l'homme, *El-Masri c. l'ex-République yougoslave de Macédoine*, requête no 39630/09, arrêt, 13 décembre 2012, par. 198.

¹⁵ В своем первоначальном сообщении авторы ссылались на статью 19, а не на статью 16 Конвенции.

участник было полностью осведомлено об общей ситуации в лагерях на северо-востоке Сирии, и оно было предупреждено о конкретном положении детей, являющихся родственниками авторов, в результате многочисленных писем от их адвокатов и выраженных просьб о репатриации. Вместо того чтобы принять все имеющиеся в его распоряжении меры, чтобы положить конец этим злоупотреблениям, — единственной разумной мерой, соответствующей его обязательствам, является репатриация, — государство-участник добровольно решает позволить им продолжаться.

3.7 Хотя авторы признают, что конкретное позитивное обязательство по репатриации детей, содержащихся в лагерях на северо-востоке Сирии, прямо не закреплено в договорных положениях, в данном случае они выводят его из позитивного обязательства государства-участника гарантировать права ребенка. Они утверждают, что репатриация является единственным доступным государству-участнику средством для выполнения своих позитивных обязательств в данном случае¹⁶ в соответствии с международным правом, которое порождает конкретное позитивное обязательство по репатриации в силу особенностей и серьезности ситуации. Кроме того, это позитивное обязательство можно рассматривать в свете механизма консульской защиты в международном публичном праве.

Сообщения № 79/2019 и 109/2019

3.8 В своих комментариях от 29 сентября 2021 года авторы сообщили Комитету, что согласно последним данным, опубликованным 23 сентября 2021 года неправительственной организацией «Спасите детей», с начала 2021 года в лагерях Аль-Холь и Родж умерли 62 ребенка — примерно два ребенка в неделю. Кроме того, другая угроза — распространение новых ячеек ДАИШ в этих лагерях — приобретет, вероятно, масштабы, которые трудно контролировать¹⁷. Многие французские и международные институты единодушно осудили условия проживания французских граждан — и в особенности детей, — содержащихся в лагерях на северо-востоке Сирии, а также отказ государства-участника репатриировать их. Авторы обеспокоены физическим и психологическим состоянием детей, условиями их проживания в лагере Родж, неадекватной медицинской помощью и отсутствием у них возможности образования¹⁸. Кроме того, вопреки утверждениям государства-участника, их местонахождение в лагере Родж ему прекрасно известно.

3.9 Авторы считают, что после того, как Комитет установил, что дети, о которых говорится в настоящих сообщениях, находятся под юрисдикцией государства-участника, государство-участник не может отказаться от осуществления необходимых защитных мер в отношении своих несовершеннолетних граждан, не нарушая при этом своих международных обязательств по Конвенции. Они отмечают, что политические и религиозные взгляды родителей этих детей, какими бы предосудительными они ни были из-за их приверженности экстремистской идеологии и противоречия интересам государства-участника, очевидно, учитываются государством-участником, чтобы не гарантировать этим детям имеющиеся у них права — в нарушение положений статей 2 и 3 Конвенции.

3.10 Несмотря на то, что в течение более двух лет государство-участник информировано о плачевных медицинских условиях, в которых содержатся упомянутые в настоящем сообщении дети, содержащиеся в лагерях, расположенных в зоне вооруженного конфликта, и о риске смерти и серьезных травм, которому они

¹⁶ См. в этой связи [A/HRC/46/36](#), п. 30; и Commissaire aux droits de l'homme du Conseil de l'Europe, «Intervention en qualité de tierce partie», document CommDH(2021)21, par. 18 (dans l'affaire *H.F. et M.F. c. France et J.D. et A.D. c. France*, requêtes n°s 24384/19 et 44234/20).

¹⁷ См. [S/2021/68](#).

¹⁸ А. Ф., 14 лет, получил серьезную травму левой стопы во время бомбежки и нуждается в срочной ортопедической операции, иначе он может навсегда потерять возможность пользоваться ногой; Л. Ф., 17 лет, находится под угрозой раннего и принудительного брака; и один из внуков автора Д. А. страдает астмой, а у другого сломана рука, которую нельзя вылечить с помощью соответствующей операции.

подвергаются, оно отказывается принимать меры, необходимые для обеспечения соблюдения прав, предусмотренных в статье 6 Конвенции. Следует отметить, что более 250 детей французской национальности все еще содержатся в лагерях на северо-востоке Сирийской Арабской Республики. Выбор в пользу репатриации одних детей, а не других, создает различие между детьми, что неприемлемо и противоречит международным обязательствам государства-участника. В наилучших интересах ребенка возвращение детей может осуществляться одновременно с возвращением их матери. Во всяком случае французские власти не установили, будет ли дано согласие матерей на репатриацию их детей без них.

3.11 Напоминая, что шестеро из детей, о которых говорится в настоящих сообщениях, родились на территории Сирии от родителей, имеющих французское гражданство, авторы утверждают, что ситуация, в которой оказались эти дети, нарушает их основные права на гражданский статус и гражданство как детей, родившихся в лагерях, а также на сохранение своей идентичности и отношений со своими семьями — в нарушение статей 7 и 8 Конвенции¹⁹.

3.12 Авторы также ссылаются на статьи 20, 24 и 28²⁰ Конвенции, чтобы пожаловаться на отсутствие медицинской помощи, так как некоторые дети в течение нескольких лет страдают от военных ранений, что подвергает их опасности заболевания, травм и неминуемой смерти. Кроме того, каждый из детей, о которых говорится в настоящих сообщениях, страдает как минимум от отсутствия доступа к воде и пище. Таким образом, они подвергаются пагубным последствиям недоедания в столь юном возрасте.

3.13 Наконец, ссылаясь на статью 37 Конвенции, авторы напоминают, что дети, находящиеся в лагерях на северо-востоке Сирии, содержатся там без документов, касающихся их задержания, и не подвергаются никаким судебным разбирательствам на местном уровне. Что касается утверждения государства-участника о том, что лишение свободы детей равносильно административному задержанию в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера, то авторы заявляют, что такая исключительная мера допустима только в том случае, если это «совершенно необходимо» для обеспечения безопасности государства²¹ или по «настоятельным соображениям безопасности»²². В данном случае необходимо отметить, что содержание детей в лагерях не может быть оправдано ни одним из этих двух оснований. Напротив, именно безопасность детей, содержащихся в лагерях, находится под угрозой.

3.14 Ввиду драматического положения детей, о которых идет речь в настоящем сообщении, единственной мерой, которая может обеспечить их эффективную защиту, является их репатриация на территорию Франции. Следует также напомнить, что государство-участник поддерживает постоянные контакты с представителями Сирийских демократических сил, чтобы следить за развитием событий в Сирийской Арабской Республике. Таким образом, государство-участник поддерживает с Сирийскими демократическими силами контакты, необходимые для того, чтобы обеспечить детям, задержанным в этом районе, защиту, на которую они имеют право.

Материалы, представленные третьими сторонами по существу

4.1 Защитница прав представила 23 июля 2021 года мнение третьей стороны по существу трех сообщений. После расследования аналогичных жалоб она вынесла 22 мая 2019 года решение, в котором установила несколько нарушений Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека) и Конвенции о правах ребенка, и сделала правительству Франции рекомендации. По мнению Защитницы прав человека, ситуация, в которой оказались дети, содержащиеся в этих лагерях, расположенных в зоне вооруженного конфликта, в

¹⁹ Статьи 7 и 8 Конвенции не упоминались в первоначальных сообщениях.

²⁰ Статья 28 Конвенции не упоминалась в первоначальных сообщениях.

²¹ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны, ст. 42.

²² Там же, ст. 78.

течение нескольких месяцев или даже нескольких лет, а самые маленькие из них — с момента рождения, бесспорно, представляет собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, угрожающее их жизни по смыслу статей 6 и 37 Конвенции и противоречащее наилучшим интересам ребенка, защищаемым статьей 3. Она также нарушает другие основные права, включая право на гражданское состояние и гражданство для детей, родившихся в лагерях, на сохранение своей личности и семейных отношений (статьи 7 и 8 Конвенции), на защиту со стороны властей государства-участника, на уход (статьи 19, 20 и 24) и на образование (статья 28).

4.2 При наличии такой доказанной ситуации, представляющей собой нарушение положений Конвенции, и в соответствии с наилучшими интересами ребенка, гарантированными в статье 3 Конвенции, государство-участник имеет ряд обязательств, в частности позитивных, по отношению к этим детям, являющимся гражданами Франции, таких как принятие адекватных и эффективных мер для того, чтобы как можно скорее положить конец обращению, обусловленному условиями содержания в лагерях, и предоставить им защиту. Защитница прав считает, что только организация возвращения детей с их матерью на французскую землю и забота о них со стороны компетентных служб способны обеспечить их защиту и положить конец нынешнему нарушению их основных прав. Эта мера, о которой тщетно просили эти семьи в течение нескольких месяцев, вполне осуществима с учетом репатриации детей, ранее проведенной государством-участником.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Дополнительное рассмотрение вопроса о приемлемости

5.1 В соответствии с правилом 20 своих правил процедуры согласно Факультативному протоколу, прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет должен решить, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

5.2 Комитет принимает к сведению события, которые произошли после принятия им решений о приемлемости трех сообщений, но которые касаются, тем не менее, их приемлемости. В этой связи Комитет принимает в отношении сообщения № 77/2019 к сведению заявления сторон о том, что О. Г., А. Г., Х. Г., С. Г., К. А., М. А. и С. Б. были репатриированы во Францию в июне 2020 года, в январе 2021 года и 22 июля 2021 года. В свете этой информации Комитет считает, что сообщение, которое касалось отказа государства-участника репатриировать этих детей, утратило актуальность в отношении них, и поэтому его рассмотрение следует прекратить.

5.3 Комитет далее отмечает, что авторы впервые затронули нарушения статей 7, 8, 16 и 28 Конвенции только в своих комментариях по существу и что эти нарушения, таким образом, не были частью аргументов, на которые государству-участнику было предложено ответить в связи с вопросом о приемлемости и по существу данного дела. Авторы не продемонстрировали, почему они не смогли сформулировать эти жалобы на более ранней стадии разбирательства, и не обосновали их в достаточной степени. Соответственно, Комитет объявляет эти жалобы неприемлемыми в соответствии со статьей 7 f) Факультативного протокола.

5.4 С другой стороны, Комитет считает, что жалобы авторов по статьям 2, 3, 6, 19, 20, 24 и 37 Конвенции были достаточно обоснованы, и переходит к их рассмотрению по существу.

Рассмотрение по существу

6.1 В соответствии с пунктом 1 статьи 10 Факультативного протокола Комитет рассмотрел настоящие сообщения в свете всей информации, представленной ему сторонами.

6.2 В частности, Комитет должен определить, является ли с учетом обстоятельств данного дела неприятие государством-участником мер по защите детей-жертв, содержащихся в лагерях Родж, Айн-Иса и Аль-Холь, нарушением их прав по

Конвенции. В частности, авторы обвиняют государство-участник в том, что оно не смогло репатриировать детей в качестве единственной возможной меры для обеспечения им необходимого ухода, гарантии их права на жизнь и развитие и защиты от произвольного задержания и жестокого обращения.

6.3 Комитет отмечает противоречивые аргументы сторон относительно существования в международном публичном праве или международном праве прав человека обязательства по репатриации граждан или содержания понятия консульской помощи, которую государство должно оказывать своим гражданам, находящимся за пределами его территории. Однако для Комитета остается открытым вопрос о том, приняло ли государство-участник в конкретном контексте настоящих сообщений все необходимые меры, руководствуясь принципом наилучшего обеспечения интересов ребенка в качестве основного соображения, для осуществления прав, признанных в Конвенции, и гарантирования их детям-жертвам, находящимся под его юрисдикцией.

6.4 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника об отсутствии у него возможностей для репатриации детей, которая зависит не только от воли государства-участника, но и от согласия властей северо-восточной Сирии и матерей детей и которую затрудняют препятствия, касающиеся идентификации детей и безопасности таких операций. Комитет повторяет в данном случае свой вывод о приемлемости в том смысле, что в силу связи государства-участника с гражданством детей, содержащихся в лагерях, имеющейся у него информации о детях французского гражданства, содержащихся в лагерях, и его связи с сирийскими властями государство-участник имеет возможность и полномочия для защиты прав детей, о которых идет речь, путем принятия мер по их репатриации или других консульских мер. Об этой возможности свидетельствует тот факт, что государство-участник уже успешно репатриировало более 30 французских детей, не сообщив ни о каких инцидентах при осуществлении этих репатриаций или отказе в сотрудничестве со стороны Сирийских демократических сил. Напротив, Комитет отмечает, что лидеры Сирийских демократических сил неоднократно выражали свое желание, чтобы все иностранцы, содержащиеся в лагерях, были репатриированы государствами их гражданства, оставляя за государством-участником право решать, репатриировать их или нет. Что касается согласия матерей детей, то Комитет отмечает, что такое согласие, как сообщается, не запрашивалось. Он также отмечает, что, как он установил в своих решениях о приемлемости сообщений, большинство матерей дали прямое согласие на представление этих сообщений от имени их детей.

6.5 Комитет принимает к сведению довод авторов о том, что детям-жертвам, большинство из которых составляют младенцы, едва удастся выжить в контролируемых Сирийскими демократическими силами лагерях для военнопленных, где они содержатся, находясь в зоне боевых действий, живя в нечеловеческих санитарных условиях и не имея возможности удовлетворить свои основные потребности, включая доступ к воде, пище и медицинскому обслуживанию, что подвергает их жизни неминуемому риску. Государство-участник утверждает, что авторы не продемонстрировали, что дети, о которых идет речь в настоящих сообщениях, подвергались конкретным рискам, а лишь упомянули об общей ситуации в указанных лагерях. Однако Комитет отмечает, что описанные обстоятельства, связанные с безопасностью, ограничением передвижения и состоянием здоровья, применимы ко всем детям, содержащимся в лагерях, включая детей-жертв, которые не могут избежать условий содержания и условий жизни, применимых к другим обитателям лагерей. Комитет считает, что вред был определен в достаточной степени и что нет оснований полагать, что дети, конкретно названные в этих сообщениях, подвергаются меньшему риску, чем другие обитатели лагеря.

6.6 Комитет напоминает об обязательстве государств-участников принимать позитивные меры для полного осуществления прав каждого ребенка, находящегося под их юрисдикцией, согласно статье 4 Конвенции²³. Комитет считает, что эти обязательства усиливаются, когда речь идет о защите детей от жестокого обращения и

²³ Межамериканский суд по правам человека, консультативное заключение OC-17/2002 от 28 августа 2002 года, п. 87.

рисков для их права на жизнь. В данном случае Комитет отмечает, что о ситуации, связанной с непосредственным риском для жизни детей, содержащихся в лагерях в Сирийской Арабской Республике, сообщалось в нескольких докладах, включая документ зала заседаний Независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике²⁴. Эта ситуация была хорошо известна государству-участнику, которое по собственной инициативе приняло решение о репатриации нескольких из этих детей.

6.7 Что касается статьи 6 Конвенции, то Комитет принимает к сведению подкрепленные доказательствами аргументы авторов о том, что многие дети, живущие в лагерях, умерли, что такие смерти продолжают происходить и что описанные условия, включая отсутствие пищи и воды, представляют собой неминуемую и предсказуемую угрозу для жизни всех детей, содержащихся в лагерях. Комитет отмечает, что государство-участник не отрицает условий жизни в лагерях, описанных авторами и третьей стороной. В свете вышеизложенного Комитет считает, что имеется достаточно информации для установления того, что условия содержания представляют собой неминуемую и предсказуемую угрозу для жизни детей-жертв и что неспособность государства-участника защитить их представляет собой нарушение статьи 6 Конвенции.

6.8 Что касается утверждений авторов по статье 37 а) Конвенции, то Комитет считает, что имеется достаточно доказательств того, что длительное содержание детей-жертв в лагерях в описанных условиях, включая, в частности, отсутствие медицинской помощи, питания, воды, санитарных условий и возможностей для образования, влияет на их развитие и представляет собой жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание в нарушение статьи 37 а) Конвенции.

6.9 Кроме того, Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что Конвенция не налагает на него позитивного обязательства репатриировать своих граждан. Однако, учитывая осведомленность государства-участника о длительном содержании этих французских детей в опасной для жизни ситуации и его возможности вмешаться, Комитет считает, что государство-участник несет позитивное обязательство по защите этих детей от неминуемого риска нарушения их права на жизнь, а также от фактического нарушения их права не подвергаться жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению.

6.10 Наконец, что касается утверждений авторов по статье 3 Конвенции, то Комитет напоминает, что наилучшие интересы ребенка должны быть главным соображением при принятии всех решений, затрагивающих детей. Он также ссылается на пункт 18 своего замечания общего порядка № 14 (2013), в котором упоминается, что бездействие или несовершение действий, равно как и воздержание от действия также считаются «действиями». В обстоятельствах настоящего дела Комитет приходит к выводу о том, что государство-участник не продемонстрировало, что оно должным образом учитывало наилучшие интересы детей-жертв при оценке просьб авторов о репатриации, что является нарушением статьи 3 Конвенции.

6.11 В свете всего вышеизложенного и с учетом конкретных обстоятельств настоящего дела Комитет приходит к выводу о том, что отказ государства-участника защитить детей-жертв представляет собой нарушение их прав по статьям 3 и 37 а) Конвенции и что отказ государства-участника защитить детей-жертв от неминуемой и предсказуемой угрозы их жизни представляет собой нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

6.12 Придя к такому выводу, Комитет не считает необходимым рассматривать вопрос о том, представляют ли те же факты нарушение статей 2, 6 (пункт 2), 19, 20, 24 и 37 b) Конвенции.

²⁴ Документ зала заседаний Комиссии по правам ребенка в Сирийской Арабской Республике (A/HRC/43/CRP.6), размещенный (только на английском языке) на веб-странице Комиссии (www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/LICISyria/Pages/Documentation.aspx).

7. Комитет, действуя в соответствии с пунктом 5 статьи 10 Факультативного протокола, касающегося процедуры сообщений, констатирует, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статей 3, 6 (пункт 1) и 37 а) Конвенции.

8. Соответственно, государство-участник обязано предоставить авторам и детям-жертвам эффективное возмещение ущерба за допущенные нарушения. Оно также обязано обеспечить, чтобы такие нарушения не повторялись. В этой связи Комитет рекомендует государству-участнику:

a) в срочном порядке предоставить официальный ответ на каждую просьбу о репатриации со стороны авторов от имени детей-жертв;

b) обеспечить, чтобы любая процедура рассмотрения таких просьб о репатриации и выполнение любого решения соответствовали Конвенции, принимая во внимание наилучшие интересы ребенка в качестве основного соображения и важность предотвращения дальнейших нарушений прав детей;

c) принять позитивные и срочные меры, действуя добросовестно, для осуществления репатриации детей-жертв;

d) содействовать реинтеграции и расселению каждого репатрируемого или расселяемого ребенка;

e) принять дополнительные меры по снижению рисков для жизни, выживания и развития детей-жертв, пока они остаются на северо-востоке Сирийской Арабской Республики.

9. В соответствии со статьей 11 Факультативного протокола Комитет хотел бы получить от государства-участника как можно скорее и в течение 180 дней информацию о мерах, принятых для реализации настоящих Соображений. Государству-участнику также предлагается включить информацию о соответствующих принятых мерах в свои доклады Комитету, представляемые в соответствии со статьей 44 Конвенции. Наконец, государству-участнику предлагается опубликовать Соображения Комитета и обеспечить их широкое распространение.

Приложение

Совместное (согласное) мнение Сопио Киладзе, Луиса Эрнесто Педернеры Рейны и Бенуа Ван Кейрсбилка

1. Хотя мы согласны с выводом, сделанным Комитетом в этом чрезвычайно сложном и деликатном деле, мы считаем, что Комитет должен был рассмотреть вопрос о нарушении статей 6 (пункт 2) и 37 b) Конвенции.

2. Комитет справедливо счел, что факты были достаточно обоснованы в отношении бесчеловечных условий жизни и отсутствия предметов первой необходимости, включая воду, продовольствие и медицинское обслуживание, что создает неминуемый риск смерти. Кроме того, имеются свидетельства того, что дети в лагерях на северо-востоке Сирийской Арабской Республики содержатся в ужасающих условиях и лишены права на образование и игры, а также многих других прав.

3. Хотя нелегко определить полный объем прав, закрепленных в статье 6 (пункт 2) Конвенции, которая устанавливает обязательство государств-участников обеспечить в максимально возможной степени выживание и развитие ребенка, настоящее дело показывает, что право на выживание серьезно ущемлено, а право на развитие никак не может быть реализовано, даже на самом низком возможном уровне. Все дети-жертвы подвержены риску недоедания, что оказывает долгосрочное воздействие на их развитие. Это воздействие будет более значительным в случае детей, страдающих от определенных травм или болезней. Отсутствие доступа к образованию, включая дошкольное образование для самых маленьких из них, также будет по-прежнему наносить ущерб их долгосрочному развитию.

4. Обнаружив нарушение статьи 37 а) Конвенции и посчитав, что данная ситуация является фактическим нарушением прав детей-жертв не подвергаться жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, Комитет должен был продолжить свои рассуждения и прийти к выводу, что имело место также нарушение статьи 6 (пункт 2), при том понимании, что для ребенка просто невозможно полноценно развиваться в условиях бесчеловечного и унижающего достоинство обращения. Обязательство по защите детей от нарушения статьи 37 а) аналогично обязательству, которое можно ожидать от государства-участника, по защите этих детей от нарушения статьи 6 (пункт 2). Согласно статье 4 Конвенции государства-участники также несут ответственность за бездействие. Если государство-участник обязано действовать, но не предпринимает никаких действий для обеспечения прав ребенка, закрепленных в Конвенции, оно должно быть привлечено к ответственности за это бездействие. Для обеспечения выполнения пункта 2 статьи 6 государство-участник должно было репатриировать детей. Государство-участник не представило разумных аргументов в пользу того, почему репатриация именно этих детей была невозможной, тогда как другие дети были фактически репатриированы. Таким образом, государство-участник несет ответственность за нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции.

5. Что касается статьи 37 b) Конвенции, то мы приняли к сведению, что Независимая международная комиссия по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике установила, что «тысячи женщин и детей остаются незаконно интернированными в лагерях на северо-востоке Сирийской Арабской Республики, на территории, контролируемой Сирийскими демократическими силами. Подозреваемые в связях с ДАИШ, но не имеющие возможности обратиться в суд и не зная, когда прекратятся их мучения, они оставлены на произвол судьбы в условиях, которые могут быть приравнены к жестокому или бесчеловечному обращению. [...] Однако большинство детей-иностранцев по-прежнему лишены свободы, поскольку страна их происхождения отказывается их репатриировать. Большинство из них моложе 12 лет. Никто не обвиняет их в преступлениях, однако уже более трех лет они содержатся в

ужасающих условиях, им отказывают в праве на образование, на игры, на надлежащее медицинское обслуживание»²⁵.

6. В отношении детей-жертв не выносятся постановления о задержании, а на местном уровне против них не предпринимаются никакие юридические действия. Кроме того, продолжающееся задержание малолетних детей, которые не являются сторонами конфликта и к которым следует относиться в первую очередь как к жертвам, является незаконным, несоразмерным и равносильно произвольному задержанию в нарушение статьи 37 b) Конвенции, включая принципы крайней меры и максимально короткого срока.

7. Вопрос заключается в том, несет ли государство-участник ответственность за задержание детей-жертв и, таким образом, за нарушение статьи 37 b) Конвенции. Государство-участник не предпринимало прямых действий по задержанию этих детей. Однако, как государство-участник, оно обязано принять меры для обеспечения возвращения детей в соответствии со статьей 4 Конвенции. Государство-участник не смогло репатриировать детей-жертв, что привело к их длительному, незаконному и произвольному задержанию. Поэтому мы считаем, что государство-участник имело обязательство и эффективную возможность предотвратить длительное задержание путем репатриации и, следовательно, несет ответственность за то, что оно не сделало этого в соответствии со статьей 37 b) Конвенции.

²⁵ Независимая международная комиссия по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике, «Increasing violence and fighting add to Syria's woes, making it unsafe for return», пресс-релиз, 14 сентября 2021 года.